

В древней русской литературе почти во всех случаях дело обстоит таким образом, что полную уверенность в точной атрибуции памятника мы можем получить только в результате полного же его историко-литературного изучения. При этом атрибуция памятника есть только один из моментов исследования истории его текста.

Подделки

В наших рукописных хранилищах имеется довольно много подложных документов. Таковы, например, поддельные грамоты русских князей монастырям — вроде грамоты Андрея Боголюбского Киево-Печерской лавре¹, или грамоты Дмитрия Донского Троице-Сергиеву монастырю², или подложные произведения с целью защиты какой-либо вероисповедной точки зрения: старообрядческой против православных или православных против старообрядцев (например, Деяние соборное на еретика армянина Мартына и Феогностов «Требник»)³, защита русско-литовских антитринитариев против православных (письмо половца Ивана Смерты князю Владимиру)⁴ и т. д.

Аналогичное положение существует и в западноевропейских рукописных хранилищах, где находится очень много поддельных памятников.

Известны старинные подделки, например, грамоты короля Дагоберта монахам аббатства С.-Дени, Псевдо-Исидоровы декреталии, некоторые грамоты Карла Великого, грамота Константина Великого папе Сильвестру и т. д. Все эти поддельные документы сыграли в свое время крупную роль, а на

¹ *Митр. Макарий*. История Русской Церкви, т. III. Изд. 3-е. СПб., 1888. С. 41–55.

² *Иером. Арсений*. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя, преп. Сергия. — ЛЗАК, вып. VII. СПб., 1884. С. 139–175.

³ *В. Г. Дружинин*. 1) Поморские палеографы начала XVIII столетия. — ЛЗАК за 1918 г., вып. 31. Пг., 1923; 2) Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века. — ЛЗАК за 1923–1925 гг., вып. 33. Л., 1926. — Один из лучших и наиболее полных разборов подложности обоих памятников принадлежит старообрядческому деятелю и писателю начала XVIII в. А. Денисову. В своем разборе А. Денисов использовал аргументы палеографические, языковые, исторические, богословские и пр. Подложность обоих памятников была настолько основательно доказана, что обе рукописи были изъяты из обращения официальной церковью и опечатаны.

⁴ *Н. Малышевский*. Подложное письмо половца Ивана Смеры к вел. кн. Владимиру. — Труды Киевской духовной академии, VI–VII. 1876 (здесь же литература вопроса). — Как это ни странно, письмо половца Ивана Смеры, которое поразило своей фантастичностью еще Н. М. Карамзина, было снова в 1950 г. принято за подлинное (*Л. Теплов, В. Немировский*. Книгопечатание — русское изобретение. — Лит. газ., 1950, № 27 (2618) от 1 апреля).

критике «Константинова дара» Лоренцом Валлой были заложены основы научной филологической критики текста¹.

Вопрос о подделках, об их относительной ценности должен быть поэтому особо рассмотрен в нашей науке.

За последнее время у нас появилось довольно много работ, посвященных отдельным «подделкам»² и даже «творчеству» наиболее известных фальсификаторов³, однако в целом вопрос о подделке и о принципах их изучения в советском источниковедении не рассматривался.

Вопрос этот очень сложен. Еще совсем недавно он ставился совсем иначе, чем сейчас. Понятие подделки до недавнего времени абсолютизировалось: поддельной считалась всякая рукопись и всякое произведение, относящееся не к тому времени и принадлежащее не тому автору, которые обозначены (прямо или косвенно) в самом памятнике. Такие рукописи и произведения в целом считались совершенно не заслуживающими внимания, и изучение их заканчивалось обычно с момента, когда факт подделки оказывался прочно установленным.

Однако достаточно привести несколько примеров, чтобы стало ясным, насколько относительно самое понятие подделки. Так, например, в результате исследований А. М. Ставрович некоторое время считалось, что Строгановская сибирская летопись — подделка⁴. Основывалось это мнение на том, что А. М. Ставрович доказывала относительно позднее происхождение Строгановской летописи (70-е годы XVII в.), с одной стороны, и тенденциозное преувеличение в ней роли Строгановых в походе Ермака — с другой. Однако ни отдаленность памятника от событий, в нем описываемых, ни тенденциозность памятника или даже явные искажения исторических фактов не являются еще признаками подделки; в противном случае к «подделкам» пришлось бы отнести львиную долю всех исторических и литературных про-

¹ Характерно, что и в России научные основы критики текста были заложены при доказательстве подложности памятников: «Соборного деяния на еретика арменина на мниха Мартина» и «Требника» митрополита Феогноста (см. об этом: В. Г. Дружинин. 1) Поморские палеографы начала XVIII столетия; 2) Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века). Впрочем, необходимо отметить, что критика текста подложных документов отчасти производилась уже в XVII в. (И. Ф. Колесников. Экспертиза «подметного письма». — Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, т. 7. М., 1954).

² М. Д. Каган. 1) Повесть о двух посольствах — легендарно-политическое произведение начала XVII в. — ТОДРЛ, т. XI. М.; Л., 1955; 2) Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — Там же, т. XIII. М.; Л., 1957; В. Н. Автократов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века. — Там же, т. XI. М.; Л., 1955.

³ М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). — В кн.: Проблема источниковедения, т. V. М., 1956. С. 44–101.

⁴ А. М. Ставрович. Сергей Кубасов и Строгановская летопись. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пг., 1922.

изведений — будь то исторические произведения XI–XVII или XVIII–XX вв. Ведь тенденциозное изложение и позднее происхождение имеет подавляющее большинство русских летописей, исторических повестей и пр.

К числу подделок до недавнего времени безоговорочно относили «Переписку Ивана Грозного с турецким султаном» и «Статейные списки посольств Сугорского и Ищеина». Основание к тому то, что ни этой переписки, ни этих статейных списков в XVI в. еще не было. Они лишь приписаны указанным в них лицам и посольствам. Однако обстоятельные исследования М. Д. Каган показали, что перед нами в этом случае не подделки, а литературные произведения¹. Подобного рода литературные произведения в виде документов приняли черты законченного литературного жанра в XVII в.², однако складываться этот жанр начал значительно раньше. Так, к последней четверти XV в. относится «Рукописание шведского короля Магнуша» и к XVI в. — «Послание Александра Македонского к русским князьям». Оба эти произведения давно рассматривались историками литературы. Нет поэтому никаких оснований отказываться от рассмотрения таких интереснейших произведений, как «Переписка Ивана Грозного с турецким султаном» или «Статейные списки посольств Сугорского и Ищеина», относя их в разряд обычных подделок.

Приведем еще один пример. В Хрущовском списке Степенной книги (ЦГАДА, МГАМИД (ф. 181) № 26/34) имеются три вставки: две вставки сделаны на новых листах, введенных в рукопись за счет удаления последних листов отдельных тетрадей рукописи, а одна вставка является результатом простого перемещения листов. Две вставки новых листов дают и новый текст. Исследования С. Ф. Платонова³, П. Г. Васенко⁴, а затем В. Н. Автократова⁵ показали, что перед нами в этих вставках чрезвычайно интересный документ политической мысли, но важен этот документ не для историка XVI в., а для историка конца XVII в. Это уже подделка в собственном смысле слова, но подделка эта оказывается проявлением политической мысли времени своего создания.

¹ См. ее работы выше, в сноске 2 на с. 338.

² О том, как из деловых форм письменности постепенно вырастают новые светские литературные жанры, см.: Д. С. Лихачев, 1) Повести русских послов как памятники литературы. — В кн.: Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 319–346; 2) Возникновение русской литературы. М.; Л., 1955. С. 111–119; 3) К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. — Рус. лит., 1958, № 2. С. 11; 4) Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 142–150.

³ С. Ф. Платонов. Речи Грозного на Земском соборе 1550 года. — Соч., т. 1. Статьи по русской истории. Изд. 2-е. СПб., 1912. С. 201–205.

⁴ П. Г. Васенко. Хрущовский список Степенной книги и известие о Земском соборе 1550 года. — ЖМНП, 1903, ап. С. 386–400.

⁵ В. Н. Автократов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века.

Все эти обстоятельства заставляют уделять поддельным памятникам больше внимания, чем им уделялось до сих пор.

В источниковедении принято делить исторические источники на «исторические остатки» и «исторические предания». Один и тот же памятник может изучаться историком как исторический остаток и как предание об этом факте¹.

Допустим, что перед нами «Повесть о Петре и Февронии». Мы можем изучать ее как памятник литературы и идеологии XV—XVI вв., но по этому же памятнику можно пытаться восстановить исторические события в Муромском княжестве. Это — и остаток старины, и рассказ о старине.

Если с этой точки зрения подходить к так называемым поддельным памятникам, созданным в Древней Руси, то ясно, что они за редкими исключениями не годятся для изучения как рассказ о старине, но могут быть использованы в исследовании как остаток старины. По поддельным памятникам мы можем изучать мотивы, по которым они были сделаны, литературные приемы самой подделки и т. д. Это памятники быта и представлений своего времени, а часто — общественной мысли и литературы.

Еще в 1904 г. автор весьма замечательной работы «Грамоты галицкого князя Льва и значение подложных документов как исторических источников» И. А. Линниченко указывал: «... для историка признанием подложности документа не оканчивается его значение — документ есть все же документ; он имеет известную физиономию, за ним скрывается известный мотив, который и должен быть вскрыт историком. Познание этого мотива может дать историку весьма ценные указания на современные отношения, и чем важнее по задаче своей такой подложный документ, тем он важнее для историка. Центр тяжести, таким образом, передвигается от самого документа к мотиву, вызвавшему подделку акта»².

Далее И. А. Линниченко подчеркивает еще одну сторону подложных документов, сравнительно редкую, но которую в иных случаях не следует упускать из виду: если от эпохи, к которой отнесен подлог, до нашего времени не сохранилось подобных памятников, а во времена фальсификатора эти памятники были, то имитация фальсификатора может иметь некоторое значение и для характеристики подделываемых памятников. И. А. Линниченко пишет: «Если задача подложного документа — достижение известного реального результата, то естественно, что автор поддельного акта будет стараться придать ему, по мере своих знаний и искусства, внешний вид документа подлинного. Перед глазами совершающего подлог должен быть образец подлинный, с которого он, с теми или иными, необходимыми для его

¹ Это деление источников, в целом принятое в советском источниковедении, ведет свое происхождение от деления, предложенного А. С. Лаппо-Данилевским (Методология истории, ч. 1, СПб., 1910. С. 380—400), но и у последнего оно не оригинально: в этого рода делении отразился опыт многих источниковедов.

² И. А. Линниченко. Грамоты галицкого князя Льва и значение подложных документов как исторических источников. — Изв. ОРЯС, 1904, т. IX, кн. 1. С. 90.

цели изменениями, копирует свой список. Чем более взыскательному и опытному критику будет представлен на утверждение известный документ, тем большей тщательностью должна отличаться самая техника подделки как со стороны формы, так и со стороны содержания. Поэтому, например, для составления какой-нибудь "Золотой грамоты" требуется меньше знаний и подготовки, чем для подделки жалованной грамоты, нотариального акта, Краледворской рукописи. Нередко могут быть такие случаи: от известной эпохи до нас не дошло подлинных актов; между тем мы имеем документы поддельные, составленные в такую эпоху, когда подлинные акты времени, которому приписывается известный документ, еще существовали. В таком случае документ и подложный приобретает для нас важное значение: он дает нам формулу не дошедших до нас актов, и, если возможно доказать близость копии к бывшему у фальсификатора образцу, может служить и к определению реальных бытовых черт времени, к которому его относит поддельватель¹. Именно такой материал, как доказывает И. А. Линниченко, и дают подделанные во второй половине XVI в. грамоты Льва Галицкого.

Наконец, обратим внимание еще на одну сторону изучения поддельных памятников: в текстологическом изучении поддельных и подлинных памятников нет принципиального различия. Ведь даже поддельность памятника доказывается всей историей текста. Для того чтобы исчерпывающе доказать поддельность, необходимо исследовать памятник решительно теми же приемами, какими исследуется и подлинный текст. Чем полнее и всестороннее будет исследована история текста поддельного памятника, в частности выяснено время его создания, «автор», побудительные причины (цель подделки), дальнейшая судьба текста, тем основательнее будет доказана поддельность. Но есть одна сторона дела, которая особенно важна для установления подделки. Подделка — это такой же памятник, как и всякий другой, но сделанный с особыми целями. Вот почему, чтобы окончательно доказать поддельность памятника, нужно абсолютно ясно и убедительно показать цель, ради которой эта подделка была совершена.

До тех пор пока не выяснены цели и побудительные причины, заставившие прибегнуть к обману, всегда может оказаться необходимость в пересмотре вопроса о поддельности.

Поскольку различия между подлинным памятником и поддельным состоят главным образом в побудительных причинах к их созданию, нет оснований текстологическое изучение подделок вести каким-либо особым образом. История текста так называемых подделок должна изучаться точно так же, как и история текста подлинных произведений.

В самом деле, если мы изучаем поддельный список «Поучения» Владимира Мономаха, то мы должны изучать его теми же самыми приемами, что и подлинный список, т. е. непременно рассматривать историю текста, историю создания самого списка. Допустим, мы установили, что подложный

¹ И. А. Линниченко. Грамоты галицкого князя Льва и значение подложных документов как исторических источников. С. 90—91.

список сделан не совсем аккуратно с первого печатного издания Лаврентьевской летописи с желанием подражать уставу XII в. и сделан он в коммерческих целях — на продажу. На основании чего мы должны отвергнуть его из рассмотрения в изучении текстологической истории «Поучения»? Только на том основании, что это плохая поздняя копия с уже изданного текста. Но ведь на этом основании мы не стали бы рассматривать и некоторые подлинные тексты древних памятников. Так, например, мы не исследуем списки Проложной редакции «Повестей о Николе Заразском» — редакции, впервые появившейся в печатном Прологе 1662 г.¹ В текстологическое рассмотрение мы не включаем также обычно списки, о которых мы можем сказать, что они являются копиями с известных нам более древних списков. Ну, а если «подделыватель» занялся сочинительством и дополнил «Поучение» своими вставками? Если этот «подделыватель» жил в XVII в. и вставки его представляют чисто литературный или общественно-политический интерес, — в этом случае мы изучаем такой поддельный список XVII в. как новую редакцию «Поучения». Такая редакция, если бы она была, представила бы для нас очень большой интерес. Аналогичная подделка «Поучения» со вставками XIX в. будет иметь значительно меньший интерес для историка литературы. Значит, и здесь введение или невведение в изучение той или иной подделки зависит вовсе не от того — подделан ли новый список или нет, а от соображений общих — исторических и литературоведческих — таких же, как и в отношении подлинного текста (например: может ли он представлять интерес для познания литературного процесса своего и последующего времени).

Вместе с тем понятие «подделки» — историческое понятие. Об этом необходимо твердо помнить. Оно в значительной мере зависит от представлений об авторской собственности — представлений, меняющихся по векам. «Рукописание шведского короля Магнуша» могло бы считаться «подделкой», если бы оно было создано в XIX в., но с точки зрения историка литературы, учитывающего особенности литературного процесса, — это произведение конца XV в. очень характерно для своего времени и никакого вопроса о том, что это подделка, никогда не вставало.

Некоторые виды «подделок» типичны для XVII в. и представляют любопытное явление в литературном развитии этого времени. Понятие «подделки» уточняется в XVIII и XIX вв. в связи с развитием представлений об исторических источниках, о литературной собственности и т. д. Тем не менее подделки А. И. Сулакадзева и А. И. Бардина начала XIX в. можно изучать как явление истории книжной торговли, и как явление истории русской литературы, и как явление истории исторических знаний, связанное с оживлением научного интереса к прошлому России и к собиранию документального материала в начале XIX в., и как показатель палеографических знаний начала XIX в. Во всех этих отношениях своеобразная «деятельность» обоих

¹ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. С. 278.

список сделан не совсем аккуратно с первого печатного издания Лаврентьевской летописи с желанием подражать уставу XII в. и сделан он в коммерческих целях — на продажу. На основании чего мы должны отвергнуть его из рассмотрения в изучении текстологической истории «Поучения»? Только на том основании, что это плохая поздняя копия с уже изданного текста. Но ведь на этом основании мы не стали бы рассматривать и некоторые подлинные тексты древних памятников. Так, например, мы не исследуем списки Проложной редакции «Повестей о Николе Заразском» — редакции, впервые появившейся в печатном Прологе 1662 г.¹ В текстологическое рассмотрение мы не включаем также обычно списки, о которых мы можем сказать, что они являются копиями с известных нам более древних списков. Ну, а если «подделыватель» занялся сочинительством и дополнил «Поучение» своими вставками? Если этот «подделыватель» жил в XVII в. и вставки его представляют чисто литературный или общественно-политический интерес, — в этом случае мы изучаем такой поддельный список XVII в. как новую редакцию «Поучения». Такая редакция, если бы она была, представила бы для нас очень большой интерес. Аналогичная подделка «Поучения» со вставками XIX в. будет иметь значительно меньший интерес для историка литературы. Значит, и здесь введение или невведение в изучение той или иной подделки зависит вовсе не от того — подделан ли новый список или нет, а от соображений общих — исторических и литературоведческих — таких же, как и в отношении подлинного текста (например: может ли он представлять интерес для познания литературного процесса своего и последующего времени).

Вместе с тем понятие «подделки» — историческое понятие. Об этом необходимо твердо помнить. Оно в значительной мере зависит от представлений об авторской собственности — представлений, меняющихся по векам. «Рукописание шведского короля Магнуша» могло бы считаться «подделкой», если бы оно было создано в XIX в., но с точки зрения историка литературы, учитывающего особенности литературного процесса, — это произведение конца XV в. очень характерно для своего времени и никакого вопроса о том, что это подделка, никогда не вставало.

Некоторые виды «подделок» типичны для XVII в. и представляют любопытное явление в литературном развитии этого времени. Понятие «подделки» уточняется в XVIII и XIX вв. в связи с развитием представлений об исторических источниках, о литературной собственности и т. д. Тем не менее подделки А. И. Сулакадзева и А. И. Бардина начала XIX в. можно изучать как явление истории книжной торговли, и как явление истории русской литературы, и как явление истории исторических знаний, связанное с оживлением научного интереса к прошлому России и к собиранию документального материала в начале XIX в., и как показатель палеографических знаний начала XIX в. Во всех этих отношениях своеобразная «деятельность» обоих

¹ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. С. 278.

фальсификаторов представляет очень большой интерес, хотя объективно она и принесла серьезный вред исторической науке.

С точки зрения историков литературы и историков общественной мысли отдельные подделки, конечно, не равноценны. В первую очередь заслуживают внимания те подделки, которые делались не с коммерческими целями (не для выгодной продажи), а имели основанием более «высокие» побудительные причины (желание поднять значение своей национальной старины, отстоять какую-либо точку зрения, создать политический памфлет и т. д.). Историки литературы не случайно изучают фальсификации второй половины XVIII в. и первой XIX в. — «Сочинения Оссиана, сына Фингала», выполненные шотландским патриотом и фольклористом Джемсом Макферсоном¹, или литературные мистификации П. Мериме — «Театр Клары Газуль»² и «Гюзла»³, «Краледворскую рукопись», мемуары Людовика XVIII или мемуары Талейрана, сочиненные Ламотом, и т. д.⁴ Историками литературы давно отмечена связь романтического направления в литературе с различными искусственными воспроизведениями старинной литературы и фольклора, некоторые из которых достигали крупной художественной значимости. В целом, однако, критерий ценности, который мы прилагаем к подделкам, тот же, что и в отношении подлинных литературных произведений. Мы не будем интересоваться и неподдельными литературными произведениями, если они созданы только с коммерческой целью, не представляют художественной ценности и не показательны для эпохи.

Итак, мы можем с уверенностью сказать, что изучение подделок не имеет серьезных отличий от изучения подлинных памятников и что отказываться от полного изучения подделок мы должны только по тем причинам, по которым мы отказываемся и от изучения подлинных произведений, — в том случае, если они не представляют значительного литературного, общественного и текстологического интереса. В этом случае достаточно выяснить происхождение подделки, ее цели или по крайней мере ее подлинную дату, установив несоответствие ее данных той эпохе, на которую подделка претендует.

Иными словами — особой методики выяснения поддельности памятника не существует. Поддельный памятник должен изучаться теми же приемами, что и подлинный. Весь вопрос только в его «интересности»: иногда достаточно только доказать, что он относится не к той эпохе, на которую претендует, или принадлежит не тому автору, которому он приписывается, и после этого изучение его может не продолжаться: он отбрасывается, как

¹ The Works of Ossian, the Son of Fingal. In two vols. Transl. from the Galic Language, by James Macpherson. The 3rd ed. London, 1765.

² Le Théâtre de Clara Gazul. Paris, 1825.

³ La Guzla ou choix de poésies illiriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine. Paris, 1827.

⁴ См. подробнее: A. Thierry. Les grandes mystifications littéraires. Paris, 1911.

отбрасываются копии с сохранившихся оригиналов, неинтересные списки и неинтересные произведения.

Почти то же самое, что о подложных сочинениях, можно сказать и о частичных подделках, — например, о подложных записях в подлинных рукописях, увеличивающих их возраст или приписывающих сочинение какому-либо известному лицу¹. Записи эти могут представлять интерес с точки зрения мотивов, по которым они сделаны. Возраст рукописи можно увеличить для того, чтобы увеличить ее продажную цену. Например, покупатели старообрядцы ценили в первую очередь «дониконовские» рукописи. В связи с этим продавцы очень часто вписывали «дониконовскую» дату или соответственно переделывали в рукописи уже имеющуюся в ней датировку. Так, например, в датах с цифрой 80 — «П» (например, 7180—~~3~~РП = 1672) достаточно бывает переделать эту цифру на 50 — «Н», соскоблив верхнюю черточку и вставив ее посередине между двумя вертикальными мачтами, чтобы сдвинуть дату на 30 лет и сделать рукопись «дониконовской» (7150—~~3~~РН = 1642). Такого рода подделка не представляет особого интереса сама по себе. Ее нужно бывает выявить, но нет нужды ее особо изучать. Совсем другой случай вскрывает Л. А. Дмитриев, изучивший рукопись XVIII в., в которой путем фальсификации заглавного листа подлинное сочинение XVIII в. оказалось приписано дьяку Григорию Котошихину. Здесь были интересны и мотивы, и самые обстоятельства, при которых это было сделано². Некоторый интерес представляют подделки части текста в рукописи. Любопытную подделку текста обнаружила В. Ф. Покровская в рукописи БАН под шифром «Собрание текущих поступлений № 637». Эта рукопись — автограф известного фальсификатора рукописей А. И. Сулакадзева, в которую заносились им сведения «О воздушном летании в России с 906 лета по Р. Х.». Здесь в выписках из неизвестных записок некоего Боголепова читается следующий текст, цитирующийся иногда для доказательства русского приоритета в области воздухоплавания³: «1731 года в Рязани при воеводе подъячий нерех-

¹ Подложную запись см. в «Роспевнике» XVII в. (ГПБ, ОЛДП. О. LXVII). Запись эта указывает косвенным образом на время ее написания: между 17 и 31 августа 6754 (1246) г. См.: Х. Лопарев. Описание рукописей ОЛДП, т. III. СПб., 1899. С. 74. — Ср. подложную запись в рукописи второй половины XVIII в. «Книга глаголемая страдание и похвала св. праведных... Бориса и Глеба...» (ГПБ, I, Q, № 30), относящую ее к 6898 (1390) г. Запись: «Написана бысть святая книга сия... при державе благороднаго и царскоименитом и великом князе Василии Дмитриевиче всея Руси и при боголюбивом митолите (так! — Д. Л.) Фотии в лето шесть тысячъ осмьсот девятьдесят осмаго, месяца ноямбрня, рукою многогрешна в калугерех Ионы, по реклу Истома нижегородца».

² Л. А. Дмитриев. Вновь найденное сочинение об Иване Грозном. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.: Л., 1962.

³ Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г. Сборник документов и материалов. Под редакцией В. А. Попова. — В кн.: Материалы по истории воздухоплавания и авиации в СССР. М., 1956. С. 13–15. — Отголоски этой подделки и в фильме Тарковского «Андрей Рублев».

тец Крякутной Фурвин сделал как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим...». Однако путем фотографических исследований удалось установить, что слово «нерехтец» написано поверх слова «немец», а фамилия «Крякутной» покрывает собой слово «крешеной», что же касается фамилии «Фурвин», то она исправлена из первоначальной — «Фурцель». Сделаны эти поправки, по-видимому, самим Сулакадзевым для создания очередной сенсации¹.

Интерес также представляют подделки грамот, связанные со стремлением части дворянства в конце XVII в. создать себе более или менее пышное «генеалогическое древо».

Бывают случаи, когда подделка не создает нового текста, а повторяет уже имеющийся: таковы некоторые подделки «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова о полку Игореве», дворянских грамот². Эти подделки имеют серьезное значение, когда оригинал имитации исчез после снятия копии или потерпел какие-либо искажения и порчу.

Наконец, отметим подделки, претендующие быть копиями с полного текста, якобы утраченного. Этот род подделок ставит исследователей в наиболее тяжелые условия, так как частичные несоответствия эпохе легко могут быть отнесены за счет неточности копии, а анализ палеографический не может быть произведен.

Как же, однако, обстоит дело с моральной стороной деятельности фальсификаторов? В отношении различных эпох дело обстоит по-разному. Представления об авторской собственности слагались исторически. Они были своеобразны в античности³ и в средние века. Громадное большинство древнерусских книжников, с нашей точки зрения, оказалось бы плагиаторами и компиляторами чужих произведений. Но, будучи и теми и другими, они не выставляли на вновь создаваемых ими сводах, новых редакциях произведений своих собственных имен, а если и выставляли, то не видели в этом нарушений «авторского права». Это происходило потому, что коллективность творчества, характерная для фольклора, еще не была изжита в Древней Руси. Особенно ярко эта коллективность творчества проявилась в летописании, где каждый летописный свод являлся продолжением и соединением работы многих десятков летописцев. Кроме того, в Древней Руси, как и в

¹ В. Ф. Покровская. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадаева. (К вопросу о поправках в рукописных текстах). — ТОДРЛ, т. XIV. М.; Л., 1958. С. 634—636.

² См., например, об этом последнем случае в работе Н. С. Чаева: К вопросу о подделках исторических документов в XIX веке. — Изв. АН СССР, 1933, VII серия, ООИ, № 6—7. С. 485—502.

³ См. об этом: *Peter Hermann. Wahrheit und Kunst. Geschichtsschreibung und Plagiat im Klassischen Altertum. Leipzig—Berlin, 1911; Eduard Stemplinger. Literatur. Leipzig—Berlin, 1912.* — По вопросу о подделках см. также: *H. Hagen. Über literarische Fälschungen. Hamburg, 1889; J. A. Farrer. Literary Forgeries. London, 1907.*

античности и на средневековом Востоке, было очень принято подражать какому-либо известному автору и выставлять на этом подражании его имя. В Древней Руси существовало множество подражаний Иоанну Златоусту.

Как известно, Лисию в рукописях приписывается 425 речей, из которых исследователями признаются подлинными менее 200. Почти такое же положение существует с сочинениями Омара Хайяма¹. Ясно, что в эпоху, когда представления о личном характере творчества не успели в достаточной мере сложиться, вопрос о моральной стороне подделок должен подниматься в строго историческом аспекте. Не может этот вопрос стоять и тогда, когда подделка ставит себе художественные задачи мистификации (Д. Макферсона, П. Мериме и пр.).

В наше время, когда представления об историческом источнике, о научной ценности исторических источников и о литературной собственности стоят на достаточно высоком уровне, фальсификация памятников не может иметь каких-либо исторических оправданий. Объективно она приносит очень большой вред. Всякого рода фальсификации исторических источников должны поэтому стать предметом пристального общественного внимания.

¹ Р. М. Алиев, М. Н. Османов. Омар Хайям. М., 1959. С. 4-10.